

A dramatic, dark illustration of a person in a black cloak standing in a ruined, fiery temple, looking up at a massive, skeletal, demonic figure with horns and wings. The figure is framed by ancient columns, and the ground is covered in fire and lava.

Искандер Арысов

Клетчатая ересь Люцифера Люциферовича

Искандер Арысов

Клетчатая ересь
Люцифера Люциферовича

«Автор»

2026

Арысов И.

Клетчатая ересь Люцифера Люциферовича / И. Арысов —
«Автор», 2026

Что делать Князю Тьмы, если зависть к Творцу достигает точки кипения? Ответ прост: объявить войну тому, что Бог любит больше всего. Этим «чем-то» оказываются шашки. Идеальная, простая, незыблемая игра, в которую нельзя встроить хаос, не разрушив саму суть. Люцифер «Лука» Люциферович получает благословение на земную миссию: сойти в дореволюционную Россию, сокрушить сильнейших мастеров и навсегда искоренить ненавистную забаву. Но реальность оказывается куда изощреннее адских планов. Вместо трепета — навозная куча при материализации. Вместо паники от поджога — всеобщая радость от сгоревших валенок. Вместо капитуляции гроссмейстеров — проигрыш, разбитая доска и бегство от разъярённой тещи. Сопровождаемый вечно паникующим Бесплотным, воюя с самоварами, дворовыми псами и собственным высокомерием, Сатана постепенно понимает: он сражается не с игроками, а с самой сутью творения. И чем серьёзнее он к этому относится, тем смешнее результат.

Искандер Арысов

Клетчатая ересь

Люцифера Люциферовича

Часть I: Адская Командировка, или Клетки Гнева

ГЛАВА 1. О ШАШКАХ, ЗАВИСТИ И БЛАГОСЛОВЕНИИ НА ПОГИБЕЛЬ

Небесные чертоги, как известно, сотканы из света, гармонии и той неуловимой субстанции, которую смертные, задржав головы, называют вечностью. В тот день — а вернее, в тот вневременной момент, — в Главном Зале Совета царила атмосфера тихого, самодовольного восторга. Ангельские чины, от серафимов, сверкавших, как шестикрылые солнца, до простых исполнительных херувимов, слушали с почтительными улыбками. На Престоле восседал Он. И хвалился.

— Совершенство, — разносился Его голос, мягкий, но заполняющий собой всё пространство. — В нём — и глубина, и простота. Две стороны. Чёрное и белое. Двенадцать на двенадцать. Прямоугольник, но стремящийся к квадрату. Как сама жизнь, если вдуматься.

В ладонях Творца, сложенных чашей, парила миниатюрная доска. На ней из перламутра и обсидиана были выложены фигурки. Он слегка встряхнул кисти — и фигурки ожили, задвигались резкими, угловатыми скачками, захватывая поля и превращаясь в дамки, увенчанные крошечными сияющими венцами.

— Шашки, — провозгласил Бог, и в слове этом слышалось умиление. — Забава для ума. Тренировка стратегии без жестокости войны. Алгебра гармонии, гимнастика для духа. Никакого случайного костяка, никаких скрытых карт — только чистая логика и предвидение. Я доволен.

Ангелы закивали, и зал наполнился одобрительным гудением, похожим на звон хрустальных колокольчиков. Все, кроме одного.

В тени одной из грандиозных, уходящих ввысь колонн стоял Люцифер «Лука» Люциферович Дьявол. Он представал в своём изначальном обличье: осанка властителя, крылья цвета воронова крыла, отливавшие фиолетовым и багрянцем, и лицо такой ослепительной, ледяной красоты, что на него было больно смотреть. Сейчас это лицо было искажено. Не гримасой гнева — нет, он давно научился сдерживать прямолинейные порывы. Его тонкие губы были поджаты, а в глазах, глухих, как затмение, клубилась буря тихой, ядовитой ярости.

Он ненавидел шашки. Лютой, белой ненавистью.

Всё началось с простоты. Когда Бог впервые показал ему правила («Бьёшь вперёд и назад, Лука, вот и вся хитрость!»), Люциферович внутренне усмехнулся. Простота — это уязвимость. А что уязвимо, то можно сломать, извратить, наполнить подвохом. Он тут же, мысленно, попытался придумать дьявольское дополнение. «А что, если ввести фигуру, которая ходит по кругу, вводя противника в ступор? Или если бить не обязательно, но за небитие вражеская шашка становится твоей?». Но каждый раз, стоило ему мысленно внести поправку в святой устав игры, доска в ладонях Бога тускнела, фигурки замирали, и сама концепция рассыпалась, как прах. Эти проклятые шашки были совершенны в своей целостности. Они не принимали зла. Они отражали его, как зеркало. В них нельзя было построить хаос, не разрушив саму идею. А разрушать идеи было Его прерогативой. Это бесило.

Зависть, острая и едкая, как серная кислота, разъедала его изнутри. Не из-за игры как таковой. А из-за того восхищения, той любви, что светилась в глазах Творца. Эту любовь, это внимание получала какая-то глупая земная безделушка! Не грандиозные галактики, не тайны мироздания, не даже сложные, многоходовые человеческие страсти, в которые он, Лука, так любил вносить свои коррективы. А шашки! Примитивная комбинация квадратов и шариков!

— ... и в России, — продолжал между тем Бог, с любовью наблюдая, как дамка берёт три простые подряд, — это искусство достигло особого изящества. Там, в холоде и в жару, за самоварами и в дворянских собраниях, рождаются истинные виртуозы. Воронцов, например... Умница. Чувствует игру, как поэт чувствует слово.

«Воронцов», — мысленно повторил Люциферович, и имя отложилось в его сознании, как мушка на прицеле.

Это был последний соломинка. Простота, которую не мог нарушить. Совершенство, которое не мог осквернить. Любовь, которой был обделён. Всё сошлось в одну точку, кристально чёткую и ясную. Шашки должны исчезнуть. Стереться с лица земли, выветриться из памяти смертных. Это будет его крестовый поход. Его личная месть гармонии.

Он вышел из тени. Шаг его был лёгок, но звук крыльев, словно сотканных из ночи, заставил ангелов по обе стороны смолкнуть и отодвинуться. Гул стих. Все взоры устремились к нему.

— Отец, — голос Люцифера был сладок, как мёд, и холоден, как межзвёздная пустота. — Позволь слово.

Бог оторвался от своей игрушки, взгляд Его был спокоен и проницателен. Он всё видел. Всегда видел.

— Говори, сын Утренней Звезды.

— Я внемлю твоим восторгам, — начал Лука, делая театральную паузу. — И... не разделяю их. Эта «забава»... она слишком проста для твоего великого замысла. Она упрощает ум, а не возвышает. Она создаёт иллюзию порядка там, где должен царствовать творческий хаос. Она... скучна.

Последнее слово повисло в воздухе, вызывая и остро.

— Скучна? — Бог приподнял бровь. В Его голосе не было гнева, лишь лёгкое недоумение и... интерес? — А ты пробовал играть?

— Я пробовал её понять, — парировал Люцифер. — И понял, что её место — в забвении. Она недостойна тварей, созданных по твоему образу и подобию. Она недостойна и внимания небожителей.

Тишина в Зале стала звенящей. Ангелы замерли, боясь пошевелиться.

— И что ты предлагаешь? — спросил Бог, и в уголках Его губ заплескали знакомые, вечные искорки. Искры того, что смертные называют чувством юмора.

Люцифер выпрямился во весь рост. Крылья его распахнулись, отбрасывая огромную, поглощающую свет тень.

— Я предлагаю испытание. Я сойду вниз. Приму их жалкую плоть. И докажу тщету этой игры самым очевидным способом — сокрошу её в самом сердце. Я обыграю всех её сильнейших мастеров. Я вырву с корнем саму веру в её красоту. Я превращу её из «гимнастики духа» в символ поражения и бессмыслицы. Пусть последний ход на последней доске будет моим. И после него игра умрёт.

Он выдохнул и произнёс главное, ради чего затеял этот спектакль:

— И я прошу на это твоего... благословения.

Он не сказал «проклятия». Но оба знали, что речь идёт именно о нём. О санкции на вторжение. О дозволении вести свою маленькую, личную войну в песочнице творения.

Бог смотрел на него долго и пристально. Взгляд Его был подобен рентгеновскому лучу, просвечивающему все тёмные закоулки гордыни и обиды. Он видел зависть. Видел злобу. Видел смехотворность всего предприятия. Но видел и нечто иное — вызов. Игру в игре.

И Он рассмеялся. Звучно, раскатисто, так что задрожали основы чертогов.

— Хорошо, Лука! — воскликнул Он, вытирая несуществующую слезу восторга. — Получаешь! Получаешь и благословение, и проклятие, и путёвку в один конец! Иди! Сойди в мир. Облекись в телеса. Найди своих «виртуозов». И... обыграй их, если сможешь.

Он снова посмотрел на доску в своих руках, и фигурки весело подпрыгнули.

— Но помни правила, сын мой. Только правила. Никакого морока, никакого прямого вреда игрокам. Только игра. Чистая стратегия. Ты ведь хочешь доказать, что она ничтожна? Так докажи на её поле. На её условиях.

Люцифер «Лука» Люциферович склонил голову, скрывая вспыхнувшую в глазах победу. Условия его устраивали. Он и не собирался душить мастеров во сне. Он сокрушит их в том, в чём они сильны. Он заставит их усомниться в самом смысле их жизни. Это куда слаще.

— Благодарю, Отец, — прошипел он. — Правила будут соблюдены. А игра... будет уничтожена.

Он развернулся, и тень от его крыльев на мгновение поглотила весь свет в Зале. Когда она рассеялась, его уже не было.

Бог покачал головой, усмехаясь чему-то Своему. Ангелы перешёптывались в смятии.

— Интересно, — тихо произнёс Творец, обращаясь к пустому месту у колонны. — Интересно, догадается ли он, что, пытаясь уничтожить игру... он станет её частью? И самой интересной фигурой на доске.

Он передвинул чёрную шашку. Она прыгнула через край доски и исчезла в сияющем пространстве, устремившись куда-то вниз, в синеву маленькой планеты по имени Земля, в заснеженные просторы дореволюционной России. Игра началась.

ГЛАВА 2. САТАНА И БЕСПЛОТНЫЙ

Клубы серного дыма рассеялись над губернским городом N, оставив после себя едва уловимый запах горелой серы и нечто большее. А именно — двух фигур, которые с глухим чавкающим звуком врезались во что-то мягкое, темное и на редкость ароматное.

— В навоз, — пробормотал Люцифер «Лука» Люциферович Дьяволов, медленно понимаясь. Его безупречный сюртук цвета ночи в аду был теперь испещрен коричневыми и желтыми разводами. Его трость, вырезанная из окаменелого греха, увязла по самую рукоять. — Я же просил материализоваться на центральной площади. У фонтана. Или хотя бы у коновязи.

Рядом с ним, хлюпая и всхлипывая, копошилась вторая фигура. Невысокая, тщедушная, одетая в костюм, который уже в момент материализации кричал о своей дешевизне и плохом вкусе. Это был Бесплотный, мелкий бес-неудачник, чья карьера в преисподней застопорилась на уровне «испортил молоко у шести коров из десяти» и «навел легкую хандру на уездного лекаря».

— Ваша Темнейшая Светлость, простите! — захныкал он, вытаскивая из навоза свой котелок. Из него выпало яблочко. — Я, кажется, опять перепутал координаты. Вместо «городской центр» ввел «городская свалка, окрестности».

Лука вытер платком щеку, посмотрел на коричневый след и с отвращением швырнул платок прочь.

— Ты — мой земной помощник, Бесплотный. Моя правая рука. Точнее, левая мизинная, слегка дрожащая. — Он осмотрелся. Кругом были покосившиеся заборы, куры, копошившиеся в той же куче, и запах провинциальной российской осени — дым, навоз и прелея капуста. — Что это за место?

— Губернский город N, Ваша Погибель! — вытянулся Бесплотный. — Как и планировалось. Тут, по нашим сведениям, находится фабрика «Прогресс и братья Шмуклер», крупнейший в губернии производитель шашечных досок и самих шашек! Целых тридцать процентов шашек для игр в трактирах Российской империи — ихнего производства.

На лице Луки появилась улыбка. Она была прекрасна и ужасна одновременно, как трещина на древней иконе.

— Идеально. Значит, начнем с корня. Нет фабрики — нет шашек. Нет шашек — не во что играть. Он... — Лука нехотя указал пальцем вверх, — останется со своей скучной, предсказуемой игрой один на один. Игра окончена, старина.

Они выбрались из навозной кучи, вызвав недоуменное клохтанье кур. В течение часа, используя адское обаяние (и пригоршню червонцев, материализованных из воздуха), Лука обзавелся приличными комнатами в лучшей гостинице города, новыми костюмами и легендой. Он был странным, немного чудаковатым барином, Люцифером Люциферовичем, приехавшим из столицы для закупки... деревянных изделий. А Бесплотный был его племянником и секретарем, молодым и нервным Петрушей.

Вечером того же дня они стояли на холме, около фабрики «Прогресс». Здание было мрачным, кирпичным, из его труб валил густой дым. Слышался стук станков. Для Луки этот звук был хуже скрежета по стеклу. Это был звук производства орудий божественной скуки.

— План прост, как грех, — прошептал Лука, и в его глазах вспыхнули крошечные адовы огоньки. — Мы поджигаем. Элегантно, эффективно, классически. Огонь очистит это место от скверны... шашечной.

Бесплотный заерзал.

— А может, лучше насрать моль на складе древесины? Или... или подкупить сторожа? Я однажды подкупил сторожа, у него потом куры...

— Огонь, Бесплотный! — оборвал его Лука. — Я хочу видеть зарево. Хочу, чтобы отсюда было видно даже на небесах. Чтобы Он взглянул и понял: игра началась.

План, по их мнению, был безупречен. Бесплотный, используя свои невыдающиеся способности к невидимости и проникновению в щели, должен был проникнуть на главный склад готовой продукции, облить всё керосином (бутылку они «позаимствовали» в каретной) и поджечь. Лука же, облаченный в плащ и цилиндр, будет наблюдать с холма, наслаждаясь зрелищем и строя планы на мировое господство.

Бесплотный исчез в сумерках. Лука ждал, поправляя перчатки. Прошло пятнадцать минут. Полчаса. На душе у Повелителя Тьмы начало скрестись мелкое, но назойливое сомнение.

И вдруг — оранжевый язык плава рванулся к небу из-за фабричной стены. Затем второй, третий. Загудели колокола, послышались крики.

— А вот и оно, — с удовлетворением произнес Лука. — Начинается...

Но что-то было не так. Пожар был не там. Не в главном корпусе, а в длинном низком здании на окраине фабричного двора. И крики... в них не было паники. Была какая-то странная, приглушенная радость.

На следующее утро, за завтраком в гостинице, их оглушила новость, которую кричал на весь зал половой, разносящий самовары.

— Чудо, батюшки, чудо! На фабрике Шмуклеров пожар был!

Лука и Бесплотный переглянулись.

— Склад сгорел дотла! — продолжал половой, и лицо его сияло.

— Склад с шашками? — не удержался Лука, его голос прозвучал неестественно громко.

— Какие шашки! Склад с валенками! Те самыми, партия которых вышла вся бракованная — колются жутко, размеры перепутаны, один на правую ногу, другой на левую! Хозяева голову ломали, как убытки минимизировать, а тут — раз! — и нет проблемы! Страховку, говорят, выплатят! Рабочие рады — им эти валенки в счет зарплаты давать собирались, теперь, гляди, деньгами получают! Да и хозяева не в накладе! Всеобщая, можно сказать, радость!

В зале загудели одобрительные голоса. «Слава Богу, что не основной цех!»; «А валенки те никуда не годились, только место занимали!»; «Огонь-батюшка всё чисто прибрал!».

Бесплотный побледнел так, что стал прозрачным даже по человеческим меркам. Лука молча смотрел в свою чашку с кофе. В отражении он видел свое лицо — лицо Сатаны, который только что устроил всем праздник. Который избавил людей от бракованных валенок и помог нечистым на руку фабрикантам получить страховку.

— Ты... — тихо начал Лука, не поднимая глаз.

— Ваша Мрачность, я клянусь! — зашептал Бесплотный, чуть не падая под стол. — Там было темно, пахло деревом и краской... я увидел табличку «Склад №3», а на полу штабеля... они были круглые, сложенные в столбики... я подумал — шашки! Это же логично: круглые, деревянные, в столбиках!

— Это были валенки, идиот! — прошипел Лука, и скатерть под его пальцами слегка обуглилась. — Свернутые в рулоны бракованные валенки!

Он откинулся на спинку стула. Весь зал ликовал по поводу «чудесного избавления от брака». Кто-то уже предлагал выпить «за удачный пожар».

Их первый «адский» план. План по искоренению шашек. Привел к всеобщему ликованию, устранению хозяйственной проблемы и, вероятно, небольшому локальному экономическому росту.

Лука вздохнул. Дым от сигары, которую он тут же материализовал, пах... не серой. А обычным табаком. Земным, густым и горьким.

— Бесплотный, — сказал он с ледяным спокойствием.

— Да-да-да, я здесь, я весь внимание, я исправлюсь!

— Выбрось свои чертежи поджогов, порчи и морака. — Лука выпустил кольцо дыма. Оно приняло форму идеальной шашки, потом расплылось. — Похоже, на этой земле зло — понятие относительное. И прямое нападение на шашки... дает обратный эффект. Нам нужен новый план.

— Какой, Ваша Инквизиторская Милость?

Лука посмотрел в окно, на закопченные фабричные трубы, которые продолжали дымить, как ни в чем не бывало.

— Мы будем играть по их правилам. Если Он любит эту игру... мы ее изучим. Мы найдем сильнейших игроков. И мы обыграем их. Не огнем, а умом. Мы докажем, что Его любимая игра — ущербна, скучна и ограничена. Мы победим ее изнутри.

Он повернулся к Бесплотному, и в его взгляде снова загорелся огонь, но теперь холодный, расчетливый.

— Найди мне лучшего учителя по шашкам в этой губернии. Самого занудного, самого педантичного, самого невыносимого. Мы начинаем с нуля.

Бесплотный, еще не веря в свое спасение, кивнул как заводной.

А где-то очень высоко, над дымом фабрик и радостной суетой городка N, в бескрайних небесных чертогах, возможно, прозвучал тихий, добродушный смешок. И лучи заходящего солнца упали на простую деревянную доску, где черные и белые фигуры замерли в начале новой, неожиданной партии.

Глава 3. Поселение в доме Прасковьи Петровны. Или Ад в глубинке

Прасковья Петровна, хозяйка самого просторного дома в уездном городке N, встретила постояльца с тем выражением лица, с каким встречают врача-травника или пса, забредшего в курятник. — Подселение на лестнице, — бросила она, окидывая Люку взглядом, в котором смешались подозрение и практицизм. — Пять целковых в месяц, с самоваром и банькой по субботам. С баней особливо, не мухлевать.

Лука, в своем безупречном, но совершенно не по погоде легком сюртуке, кивнул с надменной вежливостью, достойной трона из черного обсидиана. «Баня», «самовар» — эти слова звучали для него как заклинания местных шаманов. Но он был здесь с Миссией. И первым испытанием стал порог, через который он, оступившись, едва не рухнул, запнувшись о незаметный для глаза, но явно проклятый половичок.

Комната на лестнице оказалась тесной клетушкой, пропитанной ароматами ладана, кошачьей шерсти и вековой пыли. Бесплотный, материализовавшись в углу в виде бледного юноши в потрепанном камзоле, тут же налетел лбом на низкую притолоку. — О, Повелитель, — про-

стонал он, потирая шишку. — В местном эфире невероятная турбулентность. Астральные сущности тут все какие-то... в платочках и с блинами.

— Заткнись и осмотри периметр, — процедил Лука, сбрасывая плащ на сундук у стены. — Нам нужно обустроить штаб. И принести карту всех местных шашечников, которых нам предстоит... устранить с доски.

Но штаб не задался с первого момента.

Инцидент первый: Самовар. Прасковья Петровна, как и обещала, прислала «чайный аппарат». Медный, блестящий, он шипел и булькал на столе, как пленный элемент. Лука, привыкший, что пламя повинуетя ему безоговорочно, счел этот шумящий агрегат формой дерзкого сопротивления. Когда же из краника вдруг с шипом вырвалась струйка пара, он отпрыгнул, задев локтем этажерку, с которой градом посыпались тома «Нивы» и плюшевый кот.

— Это что за враждебная алхимия?! — прогремел он, уже собираясь низвергнуть самовар в бездну одним жестом. Бесплотный едва удержал его. — Сударь, это, кажется, просто чайник такой местный. Тут им воду греют.

— Унизительно, — пробормотал Лука, чувствуя, как его адское достоинство дает трещину.

Инцидент второй: Дворовый Архонт. Главным врагом оказался не местный праведник или священник, а рыжий, косматый пес по кличке Шарик, спавший на крыльце. Его тусклые глаза, казалось, видели сквозь человеческую оболочку прямо в сатанинскую сущность. При каждом выходе Луки из дома Шарик поднимал голову, издавал негромкое «р-р-р» и снова засыпал, но с таким видом, будто лишь откладывал решающую атаку. Однажды Лука попробовал мысленно подчинить себе псину, послав сокрушительный импульс страха. Шарик зевнул, почесал за ухом и помочился на забор. Бесплотный робко заметил: «Он, кажись, чистой породы русской дворянской. Им, ваша тьма, законы не писаны».

Инцидент третий: Заточение. Решив упорядочить адские артефакты (перо ворона, вечно капающую чернильницу из слез грешников), Лука открыл массивный сундук. Пока он наводил внутри порядок, крышка, поставленная на старую, шаткую книгу, с грохотом захлопнулась. Защелка щелкнула с окончательностью врат Ада. Лука оказался в крошечной тьме, в позе, недостойной даже мелкого беса. — Бесплотный! — грохнул он, но звук был глухим. Помощник в это время материализовался в погребке, пытаясь разобраться, что такое «квашеная капуста» и почему она так активно пузырится.

Освободил Луку только дворник Фома, услышавший странное гудение и ругательства на непонятном языке, исходившие из сундука. — Эх, барин, — покачал головой Фома, — с этим сундуком надо ласково. Он у Прасковьи от покойного мужа-кулачника остался, характерный.

Инцидент четвертый: Банный апокалипсис. Решив, что суббота настала, Лука отправился в баню, дабы соблюсти местные обычаи и, возможно, в уединении обдумать стратегию. Парилка встретила его клубами обжигающего пара, от которого даже адское пламя в его груди скукожилось. Дубовый веник, которым услужливо охаживал его Бесплотный (спутав инструкцию «слегка попарьте» с «задайте жару»), оставил на спине Повелителя Тьмы узоры, достойные пыточной камеры. А когда он вышел и нырнул в прорубь (Бесплотный прочитал, что так «закаляют дух»), то впервые за всю вечность почувствовал, что такое настоящий, пронизывающий до костей, леденящий душу холод. Он выскочил, синий и трясущийся, больше похожий на промокшего котенка, чем на Князя Тьмы.

Инцидент пятый: Слабое пламя. В камине комнаты вечно было сыро. Однажды Лука, раздраженный до предела, решил разжечь огонь силой воли. Он уставился на сырые дрова, собрав в себе всю ярость преисподней, всю мощь негасимого адского пламени. В воздухе запахло серой, дрова зашипели, закурчавился жалкий синеватый огонек... и тут же сдох, захлебнувшись влагой и смолой. Лука в бессилии прислонился лбом к прохладной печке. В этот момент

за стеной Прасковья Петровна голосила: «Фома! Неси лучину, опять этот петербургский чудок не может печку растопить! Белоручка!».

Эпилог у изголовья.

Ночью Лука лежал на жесткой кровати и слушал, как сквозь щели в окнах воют ветра — те самые «русские сквозняки», от которых у Бесплотного начался мигренозный бред и он материализовал себе ватную подушку на голову. Скрипели половицы, в темноте мигал образок в углу (Лука упорно отворачивался), а где-то вдали лаял Шарик.

— Бесплотный, — тихо произнес Лука в темноту.

— Я здесь, Владыка, — слышался жалобный шепот из-под кровати, где помощник пытался согреться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.